

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 82-1/-9

Сакральное измерение философско-вневременного метакронотопа в стихотворении Я. П. Полонского «Ничто»

Николай Константинович Тимофеев

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
г. Рязань, Российская Федерация, russiacrafter@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен анализ стихотворения поздней философской лирики Я. П. Полонского «Ничто» (1893). В произведении проявляется отношение поэта к актуальному для русской общественной мысли конца XIX века вопросу о сотворении ложного первообраза. Соответственно получившей широкое распространение материалистической философии, материя возводилась в ранг первоосновы, что Полонский считал проявлением духовной болезни в обществе. Знаменитое высказывание Ф. Ницше «Бог умер» получить отклик в его творчестве. Цель исследования состоит в том, чтобы установить особенности функционирования в стихотворении «Ничто» философско-вневременного метакронотопа, сложившегося в лирике поэта позднего периода творчества. Хронотопический анализ позволяет оценить пространство и время как взаимосвязанные элементы единой системы построения его поэтического мира, а мотивный в сочетании с аксиологическим – выявить значение устойчивых образов и мотивов в лирике автора означенного периода и уточнить её ценностную направленность. В результате исследования выявлено, что мыслимое сакральное измерение, выстроенное во второй половине текста, подкреплено категорией пространственно-временной модальности поиска лирическим субъектом пути к Богу. Сделан вывод о том, что «ничто» как одна из форм небытия служит формированию философско-вневременного метакронотопа, а художественный мир произведения лишён предметного наполнения и показывает результат подмены в сознании человека истинного первообраза ложными и преходящими ценностями.

Ключевые слова: поздняя лирика Я.П. Полонского, «Ничто», хронотоп, метакронотоп, философско-вневременной метакронотоп, сакральное измерение, философия материализма, бездуховность, русская поэзия XIX века.

Для цитирования: Тимофеев Н.К. Сакральное измерение философско-вневременного метакронотопа в стихотворении Я.П. Полонского «Ничто» // Русская филология и национальная культура. 2026. №2(19). С. 1-12. Доступно по ссылке: <https://filolog-rgu.ru/wp-content/uploads/st9-2026.pdf>

Original article

УДК 82-1/-9

The sacred dimension of the philosophical-timeless metachronotope in the poem «Nothing» by YaP. Polonsky

N. K. Timofeev

Ryazan State University named after S. A. Yesenina

Ryazan, Russian Federation, russiacrafter@yandex.ru

Abstract. This article presents an analysis of Ya. P. Polonsky's poem "Nothing" (1893), a striking example of his late philosophical lyricism. It reveals Polonsky's attitude to the problem of creating a false prototype, which had long preoccupied him. This question not only troubled the poet's mind and heart but was also highly relevant in the historical and literary context of Russian social thought at the end of the 19th century. Materialistic philosophy, elevating matter to the rank of primary principle, afflicted people with a spiritual malaise, which the poet sensed in his contemporaries. Friedrich Nietzsche's famous statement "God is dead," published several years before the poem was written, could not fail to resonate with people familiar with new and fashionable trends in philosophy. The purpose of this study is to identify the functioning of the philosophical and timeless metachronotope in Ya.P. Polonsky's poem "Nothing" and to clarify the place of the sacred dimension in the evolution of the poet's artistic world. The study utilizes chronotopic analysis as its primary method, allowing for the evaluation of space and time as interconnected elements within a unified system of constructing a poetic world. Motivational analysis (to identify persistent images) and axiological analysis (to clarify the value orientation of the artistic world) serve as supporting approaches. The study revealed that the conceptual sacred dimension, reinforced by the category of spatiotemporal modality, constitutes the second half of the poem, in which the lyrical subject finds the strength to seek a path to God. It was concluded that the artistic world of Ya.P. Polonsky in the poem "Nothing" is formed according to the rules of a philosophical and timeless metachronotope, and that "nothing," as a form of non-existence, is the cause of the artistic world's lack of objective content and the result of an attempt to replace the true prototype with false and transient values.

Key words: Ya.P. Polonsky, "Nothing", late lyrics, chronotope, metachronotope, philosophical-timeless metachronotope, sacred dimension, philosophy of materialism, Russian poetry of the 19th century.

Введение. В лирике Я.П. Полонского сочетается глубокое рефлексивное начало и естественность повествовательной формы, в которой выражена авторская мысль о мире. Выраженная в творчестве поэта комбинация философских

размышлений и христианских чувств с каждым годом всё больше привлекает новых молодых исследователей к изучению творческого потенциала Полонского. Особого внимания в этом отношении заслуживает поздний период лирического наследия поэта, так как в нём усиливается свойственное для его художественного мира изменение масштаба рассматриваемых явлений, когда личное переживание переводится в план личностной рефлексии и включается в философский, религиозный, аксиологический или любой другой более широкий контекст. Одной из исходных точек для определения позднего периода творчества можно считать собственную пометку автора в издании «Лепта в пользу нуждающихся» (1892), где все стихотворения после 1 ноября 1890 года обозначены как «Поздние годы» [7, с. 15]. Позже А.И. Лагунов в первом монографическом труде, посвящённом поэту, придаст периодизации его литературной биографии логическую завершённость и определит итоговый этап в границах от 1880 до 1898 годов [4, с. 57]. Подобное определение временных рамок позднего периода творчества используется и в современных исследованиях [14].

На позднем этапе эволюции творческого метода Я.П. Полонского стихотворение «Ничто» (1893), на наш взгляд, представляется одним из наиболее показательных, так как в нём вновь затрагивается одна из основных в лирике поэта тема создания человеком ложного первообраза. Эта проблема беспокоила Полонского на протяжении всего творческого пути. О чём свидетельствуют результаты современных исследований литературного наследия поэта. В отдельных главах коллективного монографического труда и в статьях Т.В. Федосеевой способность человека к духовному прозрению после длительного самообмана обнаруживается в отдельных элементах стихотворений «Кумир» (1844), «В потерянном раю» (1876), «Золотой телец» (1888) [14, с. 63; 10; 12]. В главе коллективной монографии за авторством В.А. Толстова отмечается мотив «кумира» в стихотворениях «Вечерние огни» (1880–1885) и «Фантазия» (26 ноября 1889) [14, с. 116; там же, с. 122]. Теме взаимосвязи некоторых из уже обозначенных стихотворений посвящены и наши отдельные публикации [8; 11]. В статье А.С. Карповой затрагивается тема «зарождающегося сомнения в необходимости служить кумиру», выраженная поэтом в стихотворении «Весталке» (1849) и в рассказе «Статуя весны» (1862) [3]. Рассматриваемое в рамках настоящей статьи стихотворение «Ничто» было выделено в рамках публикации М.Ю. Данилевской (Степиной), выявляющей религиозное содержание поэзии в контексте дружеской переписки между Я.П. Полонским и К.Р. (Великим Князем К.К. Романовым). Подчеркнута религиозная проблематика произведения, роль эпиграфа и пасхальное время его создания [2, с. 216]. Однако пространственно-временное построение художественного мира и эволюция взглядов поэта, выраженная в позднем стихотворении «Ничто» пока не становилось предметом специального анализа.

Цель данной работы – выявить особенности функционирования философско-вневременного метакронотопа в стихотворении Я.П. Полонского «Ничто» и уточнить место сакрального измерения в эволюции художественного мира поэта.

Основная часть. Анализ художественного пространства и времени предполагает использование устоявшегося в литературоведческой традиции понятия «хронотоп», заимствованного М.М. Бахтиным из исследовательского терминологического аппарата естественных наук [1, с. 326]. Рассмотрение хронотопа как ведущего принципа построения поэтического мира в литературном творчестве выводит на первый план анализа вопрос о зависимости смыслового развёртывания текста (лирического сюжета) от доступного для восприятия лирического героя пространства и времени. Однако дополнительная сложность возникает при необходимости точного определения степени доступности воображению автора философско-вневременного измерения, которую нельзя узко обозначить как физическую способность взаимодействия с ним. Эта проблема обнаруживается при непосредственном анализе метакхронотопических форм в лирике. Как пишет А.В. Политов: «Метакхронотоп – это обобщение индивидуального жизненного пути (времени) и жизненного мира (пространства) человека, конкретного общества и всей культуры» [5, с. 103]. На наш взгляд, данное определение требует уточнения. Под метакхронотопом мы понимаем надструктурный слой построения художественного мира, на котором располагаются такие пространственные и временные формы, которые управляют развитием всех подчинённых элементов, тем самым задавая общий ценностный горизонт текста. Он не сводится к мотиву, к символу или отдельной теме, так как метакхронотоп – это ирреальное (или невыраженное предметно) измерение пространства и времени, где личное переживание получает философское, религиозное, аксиологическое и (или) другое оформление: сон, память, встреча, история, смерть, вечность и т. д. – всё это незримые категории, расширяющие доступное и видимое до предельных (для земного воплощения) и физически не ощущаемых границ. Обратимся к зачину стихотворения Я.П. Полонского «Ничто»:

Всесильное ничто – бездушный мрак, – могила
Бездонная всего, что движется, – что было,
И есть, и будет – смерть смертей!.. [6, с. 97].

Уже с первых строк Полонский вводит читателя через восприятие лирического субъекта в обобщённое пространство, постигаемое лишь внутри сознания и на границе с возможностью художественного воссоздания реальности. Об этом незримом пространстве (вслед за Н. Гартманом) метко выразился В.Н. Топоров, писавший, что это «свойство воспринимающего сознания (Я) приспосабливаться к изменяющемуся внешнему миру <...>. Для мифопоэтического сознания путь, не совпадая с пространством, выступает как его квинтэссенция, его интенсифицирующая сумма, его линейный одномерный образ» [9, с. 270]. Речь идёт о «пространстве сознания» (или «в сознании»), а также встречается формулировка «пространство созерцания». Это указывает на отдельное свойство интеллекта человека упорядочивать мир как пространство внутри непространственной формы (разума). На этом основании необходимо расшифровать высказывание исследователя: образ пути в сознании – это не отпечаток

движения внутри физического измерения, а насыщенная некоторым смыслом форма самого этого пространства, так как через пройденное расстояние становятся понятнее характеристики мира, в котором происходит движение. Через освоенный отрезок пути определяются испытания и границы, которые необходимо преодолеть, а также смысл всего движения. В этом движении непостижимое физически обнаруживается через особую способность духовного восприятия со стороны лирического субъекта, но никак не ограничивается ей.

В приведённом выше фрагменте анализируемого стихотворения отсутствует какая-либо эмпирически проверяемая и доступная для прямого взаимодействия область пространства и времени – это обобщённый образ небытия, бездны и мрака. В описанном пространстве отсутствует предметное оформление окружающей среды и даже упоминание «могилы» используется поэтом не в качестве указателя на конкретное место, но в качестве знака, подкрепляющий уже начатую тему конечности физического существования человека. Автор сознательно увеличивает охват пространства до универсального и онтологического, в котором расширяются возможности духовного поиска. Об этом свидетельствует и фрагмент письма, публикуемого в статье М.Ю. Данилевской: «Стих<отворение> “Ничто” мне самому не нравится, как идейное... [здесь у Полонского речь идёт о несовместимости понятий «ничто» и «Бог», замеченном К. Р.] Но я несколько иначе его понимаю. Я понимаю его как протест, как противоречие тем, кто верит в это ничто. А таких материалистов сотни тысяч не только в Германии и Франции, – к сожалению, и в России» [2, с. 216]. Временное построение стихотворения, как и его пространственные установки, обретает универсальную природу в формуле, определяющей весь событийный ход: «что было, / И есть, и будет». Прошлые, настоящее и будущее функционируют одновременно, нарушается линейная последовательность временных характеристик, а в небольшом фрагменте «миг» встречается с понятием «вечности»:

Я не могу без содроганья
 Ни мыслить о тебе, ни – о судьбе людей,
 Прильнувших, в вихре мирозданья,
 К земле на миг, чтоб быть игрищем страстей,
 Безумных оргий иль страданья.
 Но если, иногда, ничтожество мое
 Мне говорит, что я не вечен... [6, с. 97].

Вопрос об истоках человеческого существования у Полонского получает пространственное выражение на уровне исходных координат поэтического мира. Уже на этом этапе анализа можно говорить о наличии метакронотопа, расширяющего индивидуальное пространство стихотворения «Ничто» до общекультурного. При этом лирический субъект играет отдельную роль, так как не только выражает мысли и чувства поэта, но и наделяется способностью самостоятельных размышлений. Возможно, поэтому Полонский и не был до конца согласен с идейной позицией своего героя. Понятие «ничто» осмысливается лирическим субъектом в нескольких формах: как физическая пустота (напри-

мер, космическая) и как угроза самой сути человеческого существования. Его поиски даже влияют на окружающий мир, развёрнутый в сознании, и почти переводят авторскую онтологическую установку в антропологическую:

Ничто! – уже ли я тобой вочеловечен,
Или – подобие твоё?.. [6, с. 97].

Ощущая изнутри неустойчивое духовное положение, субъект речи постоянно ищет и в процессе этих поисков обращается к различным предполагаемым вариантам истоков его собственного бытия:

Ужели мне тобой даны и слух, и очи,
И осязанье, для того,
Чтоб я, как Бог, из ничего
Творил минуты, дни и ночи
И наполнял бы их собой, – [6, с. 97].

Для читателя постепенно открываются причины этой мировоззренческой нестабильности субъекта, являющегося явным представителем «прогрессивной» части русского общества в конце XIX века. Он стал жертвой духовной болезни (философии материализма), которая съедает его изнутри. Монистическая природа материалистической философии противоречила сохранению Божественного образа в умах людей, принявших её в качестве новой веры [13, с. 8]. Это явление особенно беспокоило поэта, знакомого с модными направлениями в философии того времени. Само по себе «ничто» также не могло существовать в картине мира материалиста, так как материя не могла взяться из ничего. Борьба первоосновы человеческого бытия между духом и материей объяснялась материалистами через переход материи из одного состояния в другое. Однако этот тип сознания отвергал существование Бога в качестве первопричины мира, а отвергнув его образ и подобие, человек стал опираться на объекты и ценности, имеющие временный характер. Какое наполнение может дать физическое существование человека пространству и времени? Задаваясь таким вопросом, лирический герой обращается к тревогам своей души:

Сердечным трепетом и трепетным сознаньем,
То отрицаньем, то враждой,
То безобразием, то дивной красотой
И умиленным упованьем! [6, с. 98].

В тот момент, когда возникает вопрос о «подобии» человека и «ничто», разрушению подвергаются сами основы личности, изначально верующей в собственное происхождение от образа Божьего. Это было живое влияние не так давно изданной книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» (нем. «Also sprach Zarathustra», 1883), где впервые прозвучала фраза «Бог умер!» (нем. «Gott starb»). Позже история повторилась с выходом в 1887 году второго произведе-

ния немецкого философа «Весёлая наука» (нем. *Die fröhliche Wissenschaft*, 1881–1882), где развивалась эта мысль.

Стихотворение Полонского, созданное в противоположность нигилистической идее, может рассматриваться как рецепт верующего человека, предназначенный для лечения духовно больных людей. Так, в образе лирического героя отражается каждый отдельный человек (в том числе и автор), подвергшийся воздействию философских идей конца XIX века. Этот обобщённый человек сравнивает себя с остальным миром и пытается предположить возможность наличия у себя способности наделять пространство и время собственным содержанием, однако сама эта мысль уже подвергается сомнению. Субъективность, отделённая от Божественного (или Высшего) начала, стремится стать самодостаточным центром некоторого достигаемого измерения и в этот момент она уже не соотносится с ним, а пытается занять его место. Отсюда возникает и наивысшее напряжение, сосредоточенное в восклицании: «Ужель ничто, ты – первообраз мой!..» Формируется главный конфликт стихотворения, в котором «ничто», являясь очевидной пустотой, претендует на статус первообраза (ложного), а человек под давлением собственных мыслей оказывается на границе духовного самоотрицания:

Цепь бесконечная существований стала
Невидимой, – или она ушла,
Чтоб тьма иль пустота ее оборвала,
И чтоб она навек пропала!.. [6, с. 98].

На наш взгляд, именно здесь и заключена основная глубина художественного мира произведения Полонского. Лирическим героем движет совсем не страх исчезновения из реального и материального мира, что вполне сравнимо с полным подобием «ничто» как итога земного пути, описываемого материалистами (переход материи в другое состояние). Его преследует собственное нежелание допустить возможную и окончательную утрату связи с высшим антропологическим основанием, которое он видит в Боге. С этим связана нестабильная и болезненная установка ложного творения, ограничивающая своей перспективой исходное пространство и время в стихотворении. В процессе преодоления этого барьера между предлагаемым и доступными для сознания лирического субъекта измерениями проявляется философско-вневременной метахронотоп, который выделяется нами как особая форма литературного пространства и времени, возникающая из взаимодействия двух необходимых оснований. Во-первых, хронотопа вечности, определяющего ценностные и онтологические установки художественного мира. Во-вторых, медитативного построения лирического высказывания как формы трансформации опыта во времени. Первостепенное значение имеет не тематическое обращение к вечным вопросам, а последовательность событий, в которой утрачивается линейность. Отдельный момент в пространстве и времени становится соотносимым с целым трансвременным измерением (приобретает характер философского опыта) – это

особое измерение, находящееся вне или на границе с сознанием. Функция данного изменения заключается в возможности медитативного осмысления человеческого существования как универсальной драмы.

Мысль о конечности земного существования в контексте стихотворения рассматривается автором во взаимосвязи с идеей изначальной пустоты (небытия), раскрытие которой помогает читателю увидеть духовный кризис представителей целой культурной эпохи. В образе «цепи бесконечной существований» скрывается не обобщённая группа людей, а идея о глубокой связи бытия (духовной преемственности). Полонский и его герой соотносят отдельного субъекта со всем человечеством, которое мыслится как целые измерения: историческое, социальное, семейное (родовое) и другие. Однако разрыв этой цепи ещё шире, так как это уже не утрата преемственности, а разрушение миропорядка, в котором исключение одного измерения отвергает возможность существования остальных.

Резкий интонационный и смысловой поворот в сторону Божественного Абсолюта выполняет в тексте стихотворения структурообразующую функцию:

О Господи! земных творцов Творец!
Не вижу, не могу я видеть, где конец
Того, где Ты всему начало! [6, с. 98].

В этом фрагменте измерение приобретает сакральную вертикаль, в которой конец на самом деле является новым началом. Пустота же перестаёт претендовать на роль высшей инстанции. Ранее лирический субъект размышлял над тем, как «ничто» может мыслиться в качестве всеобъемлющей бездны. После трансформации и возврата сознания к исходным координатам возникает иной и более высокий центр мира – Бог как начало для всего сущего. Сакральность рассматриваемого измерения понимается нами как модальность или смысловое оформление хронотопической формы, при которой художественный мир стихотворения выстраивается вокруг прямой зависимости с Высшей (или Божественной) вертикалью.

Введение категории пространственно-смысловой модальности в анализ хронотопических форм в изучении лирики имеет принципиальное значение для исследования. Разграничение между метахронотопом как способом построения художественного мира и пространственно-смысловой модальностью как способом определения личностного характера смыслового наполнения полученного пространства и времени позволяет избежать смешения структурного и семантического уровней анализа.

В заключительных фрагментах стихотворения вечность транслируется как одна из важнейших категорий сознания, перестаёт мыслиться отчуждённой и пустой бесконечностью. В соотнесении с Богом и вечной жизнью после смерти обретает смысл и земная конечность бытия. Пустота становится формой духовного испытания перед встречами с вечным:

О Господи! верни мне то,
Чего не покорит всеильное ничто, —
И веру, и любовь, и правду, и незлобие...
Верни мне образ Твой, верни Твое подобье!.. [6, с. 98].

Финальная молитва, обращённая к Богу, содержит результат душевных терзаний и духовных поисков лирического субъекта, осуществляемых на протяжении всего текста. Лирическому герою не требуется чудесное избавление от смерти, страданий или возвращение полноты земной жизни, но он молит Высшую силу о восстановлении той особой связи, которая делает человека человеком в духовном смысле. Вера, любовь, правда и незлобие – всё это становится особыми признаками, определяющими внутреннюю причастность человека к Божественному первообразу.

Особое положение в построении художественного мира стихотворения «Ничто» играет эпиграф, который Я.П. Полонский заимствовал из стихотворения А.С. Пушкина «Таврида» (1822):

Ничтожество – пустой призра́к,
Не жажду твоего покрова [6, с. 97].

Смысловой масштаб, избранный Полонским, значительно шире, чем тот, который использует Пушкин для своего измерения в «Тавриде», хотя и сохраняется исходный мотив, заключённый в стремлении сопротивления пустоте. В «Тавриде» тема сближения с ничтожеством теснее связана с судьбой отдельного смертного сознания, с его памятью, с его любовью и с сохранением земных чувств. Полонский же формирует пространство так, что внутри него все земные вопросы обращаются к Божественному первообразу человека, мир расширяется до границ между пустотой и Божественным началом. На наш взгляд, в этом отношении художественный мир Полонского проявляется глубже и строже. В нём ярко выражено сакральное измерение, связанное не с утешением земных тревог, а с восстановлением утраченной части Божественной сущности. Именно так звучит финальная просьба (молитва): «Верни мне образ Твой, верни Твое подобье!..». Здесь «Ничто» оказывается намного ближе к эпиграфу «Тавриды», который был взят из введения к «Фаусту» Гёте: «Gib meine Jugend mir zurück» («Возврати мне мою юность»). Если рассматривать юность, как изначальную чистоту души, которая ещё не успела перенять болезнь времени от других людей.

Заключение. Таким образом, финальное молитвенное обращение лирического субъекта к Богу рассматривается в статье как возможное решение философской проблематики, связанное с сотворением ложного первообраза (кумира). Пространственно-временное построение стихотворения «Ничто» проявляет основные характеристики философско-вневременного метакронотопа: медитативная форма повествования сочетается с осмыслением прошлого, настоящего и будущего в едином существовании, соотносимым с вечностью. Ценностное наполнение художественного мира поэта показывает, что Бог – это то

самое лекарство, которое необходимо людям, подвергшимся душевной болезни материализма. Пространство стихотворения сознательно лишено предметного выражения для демонстрации пустоты ложной первоосновы, которую избирают для себя люди, отвергающие связь с Божественным началом. Из анализа стихотворения становится ясно, что наполнить пространство и время настоящим смыслом способен лишь Бог, что очевидно для автора, но может быть неочевидным для читателя.

Список источников

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Собрание сочинений : в 7 томах. Т. 3. М. : Русское слово, 2012. 877 с.
2. Данилевская М.Ю. К.Р. и Я. Полонский о религиозном чувстве в искусстве: по страницам переписки двух поэтов // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. 2019. № 4. С. 213-219.
3. Карпова А.С. Реализация мифологического сюжета о Пигмалионе в русской литературе первой половины XIX века // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 4(20). С. 71-77.
4. Лагунов А.И. Лирика Якова Полонского. Ставрополь, 1974. 125 с.
5. Политов Андрей Викторович К вопросу о структурированности пространственно-временной взаимосвязи: инфра-, ультра и метауровневое в хронотопологии человека // Идеи и идеалы. 2023. № 2-1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-strukturirovannosti-prostranstvenno-vremennoy-vzaimosvyazi-infra-ultrai-metaurovnevoe-v-hronotopologii-cheloveka> (дата обращения: 06.04.2026).
6. Полонский Я.П. Полное собрание стихотворений Я.П. Полонского. СПб. : А.Ф. Маркс, 1896. Т. 3. 484 с.
7. Полонский Я.П. Лепта в пользу нуждающихся: несколько стихотворений [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=79INAAAAIAAJ> (дата обращения: 06.04.2026).
8. Тимофеев Н.К. Сюжеты о несовершенстве человеческой природы в лирике Я.П. Полонского позднего периода творчества // Я.П. Полонский: личность, творчество, эпоха (посвящается 205-летию со дня рождения поэта) : сб. статей по материалам III междунар. научн.-практ. конф., 19–21 декабря 2024 года / сост. и ред. Т.В. Федосеева; РГУ им. С.А. Есенина. Рязань, 2026. С. 71-82.
9. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М. : Наука, 1983. С. 227-284.
10. Федосеева Т.В. Ценностная оппозиция «святость / светскость» в ранней лирике Я.П. Полонского // Ученые записки НовГУ. 2023. №3 (48). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnaya-oppozitsiya-svyatost-svetskost-v-ranney-lirike-ya-p-polonskogo> (дата обращения: 06.04.2026).
11. Федосеева Т.В., Тимофеев Н.К. Содержательность сюжетно-событийных структур нарративной лирики Я. П. Полонского позднего периода творчества // Ученые записки НовГУ. 2024. №1 (52). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhatelnost-syuzhetno-sobytiynyh-struktur-narrativnoy-liriki-ya-p-polonskogo-pozdnego-perioda-tvorchestva> (дата обращения: 06.04.2026).
12. Федосеева Т.В. Поэтология и аксиология Я.П. Полонского 1860-1880-х годов / Т.В. Федосеева // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17, № 4. С. 149-172.

13. Шелюто В.М. Материалистическая философия и религиозная традиция / В.М. Шелюто // Коммуникология: электронный научный журнал. 2017. Т. 2, № 4. С. 6-11.
14. Я.П. Полонский Вопросы творческой биографии / Т.В. Федосеева, А. В. Моторин, В. А. Толстов [и др.]. Рязань : РГУ им. С. А. Есенина, 2019. 400 с.

References

1. Bakhtin M. M. *Formy vremeni i khronotopa v romane* // *Sobranie sochinenii* : v 7 tomakh. vol. 3. M. : Russkoe slovo, 2012. 877 p. (In Russ.)
2. Danilevskaya M. YU. K.R. i YA. Polonskii o religioznom chuvstve v iskusstve: po stranitsam perepiski dvukh poetov // *Vestnik MGU. Seriya 9: Filologiya*. 2019. № 4. pp. 213-219. (In Russ.)
3. Karpova A. S. *Realizatsiya mifologicheskogo syuzheta o Pigmalione v russkoi literature pervoi poloviny XIX veka* // *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie*. 2015. vol. 20, № 4. P. 71-77. (In Russ.)
4. Lagunov A. I. *Lirika Yakova Polonskogo*. Stavropol', 1974. 125 p. (In Russ.)
5. Politov Andrei Viktorovich *K voprosu o strukturirovannosti prostranstvenno-vremennoi vzaimosvyazi: infra-, ul'tra i metaurovnevoe v khronotopologii cheloveka* // *Idei i idealy*. 2023. №2-1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-strukturirovannosti-prostranstvenno-vremennoy-vzaimosvyazi-infra-ultra-metaurovnevoe-v-hronotopologii-cheloveka> (accessed: 06.04.2026). (In Russ.)
6. Polonskii Ya. P. *Polnoe sobranie stikhotvorenii Ya. P. Polonskogo*. SPb. : A. F. Marks, 1896. vol. 3. 484 p. (In Russ.)
7. Polonskii Ya. P. *Lepta v pol'zu nuzhdayushchikhsya: neskol'ko stikhotvorenii* Available at: <https://books.google.ru/books?id=79INAAAIAAJ> (accessed: 06.04.2026). (In Russ.)
8. Timofeev N. K. *Syuzhety o nesovershenstve chelovecheskoi prirody v lirike Ya. P. Polonskogo pozdnego perioda tvorchestva* // *Ya. P. Polonskii: lichnost', tvorchestvo, epokha (posvyashchaetsya 205-letiyu so dnya rozhdeniya poeta)* : sb. statei po materialam III mezhdunar. nauchn.-prakt. konf., 19–21 dekabrya 2024 goda / sost. i red. T. V. Fedoseeva; RGU im. S. A. Esenina. Ryazan', 2026. pp. 71-82. (In Russ.)
9. Toporov V. N. *Prostranstvo i tekst* // *Tekst: semantika i struktura*. M. : Nauka, 1983. pp. 227–284. (In Russ.)
10. Fedoseeva T. V. *Tsennostnaya oppozitsiya «svyatost' / svetskost'» v rannei lirike Ya. P. Polonskogo* // *Uchenye zapiski NovGU*. 2023. vol. 48, №3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnaya-oppozitsiya-svyatost-svetskost-v-ranney-lirike-ya-p-polonskogo> (accessed: 06.04.2026). (In Russ.)
11. Fedoseeva T. V., Timofeev N. K. *Soderzhatel'nost' syuzhetno-sobytiinykh struktur narrativnoi liriki YA. P. Polonskogo pozdnego perioda tvorchestva* // *Uchenye zapiski NovGU*. 2024. vol. 52, №1 Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhatelnost-syuzhetno-sobytiinykh-struktur-narrativnoy-liriki-ya-p-polonskogo-pozdnego-perioda-tvorchestva> (accessed: 06.04.2026). (In Russ.)
12. Fedoseeva, T. V. *Poetologiya i aksiologiya YA. P. Polonskogo 1860-1880-kh godov* / T. V. Fedoseeva // *Problemy istoricheskoi poetiki*. 2019. vol. 17, № 4. pp. 149-172. (In Russ.)
13. Shelyuto V. M. *Materialisticheskaya filosofiya i religioznaya traditsiya* / V. M. Shelyuto // *Kommunikologiya: elektronnyi nauchnyi zhurnal*. 2017. vol. 2, № 4. pp. 6-11. (In Russ.)
14. YA. P. Polonskii *Voprosy tvorcheskoi biografii* / T. V. Fedoseeva, A. V. Motorin, V. A. Tolstov [i dr.]. Ryazan' : RGU im. S. A. Esenina, 2019. 400 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Тимофеев Николай Константинович, аспирант кафедры литературы и журналистики Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина
e-mail: Russiacrafter@yandex.ru

Information about the author

Timofeev Nikolai Konstantinovich, postgraduate student, Department of Literature and Journalism, Ryazan State University named after S. A. Yesenin
e-mail: Russiacrafter@yandex.ru

Дата поступления статьи: 09.04.2026